

2. Идейнность как классовость

Начиная с 1923 года, требование идейности начинает заменяться требованием классовости, включая в себя как идею классовой направленности литературного

произведения, так и вопрос о классовом происхождении самого писателя. Этому способствует постоянная полемика между напостовцами и попутчиками, а также требованиями ВАППА о передаче этой организации идейного руководства литературой с целью создания пролетарской литературы, «свободной» от идеологического засилия попутчиков. Невзирая на то, что партийное руководство не поддержало политику ВАППА, отождествление идейности и классовости сохраняется во всех резолюциях РАППА вплоть до 1932 года. Вершиной этой политики можно считать один из последних рапповских лозунгов: «Не попутчик, а союзник или враг». Однако, как известно, классовый подход к литературе не обеспечил создания качественной пролетарской литературы; кроме того, начался новый период в жизни государства, когда «вопрос “кто кого” был бесповоротно решен в пользу социализма» и «советское общество представляло собой тесное содружество только трудовых классов»²². Теперь требовалось только «сдружить» писателей. Вместо размежевания по классовому принципу их необходимо было объединить на общей идейной основе, которую каждый писатель должен был *открыто* поддержать. В лексикон советской критики 1930-х годов категория идейности входит в виде требования открытой тенденциозности.